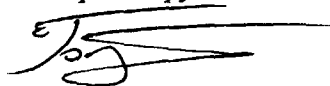

На правах рукописи

БУЙЛО Борис Иванович

**СУДЬБА РОССИИ В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ Н.А.БЕРДЯЕВА**

24.00.01 – теория и история культуры

09.00.03 – история философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора философских наук

Ростов – на – Дону – 2003

Работа выполнена на кафедре социальной философии и философии права факультета философии и культурологии Ростовского государственного университета

Научный консультант

доктор философских наук, профессор

Ерыгин Александр Николаевич

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор **Маслин Михаил Александрович**

доктор философских наук, профессор **Матяш Тамара Петровна**

доктор философских наук, профессор **Несмеянов Евгений Ефимович**

Ведущая организация:

Российский институт культурологии

Министерства культуры Российской Федерации

Защита состоится 15 апреля 2004 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д.212.208.11 по философским наукам при Ростовском государственном университете (344038, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 13, ауд.427)

С диссертацией можно ознакомиться в зональной научной библиотеке Ростовского государственного университета (г.Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 148)

Автореферат разослан «12» *Иср* 2004 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

М.В. Заковоротная

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

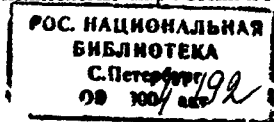
Актуальность темы исследования. В настоящее время в отечественной научной и публицистической литературе отмечается повышенный интерес к теме России. В определенной степени он, видимо, вызван возникшей неопределенностью в направленности социально-экономического развития российского общества. Авторы с различных мировоззренческих и научных позиций стремятся дать оценку происходящим в стране политическим и социально-экономическим процессам, соотнести их с социальными явлениями, происходящими в мире; наметить возможные тенденции развития данных процессов в будущем.

Последнее вполне естественно, поскольку интерес к своему будущему свойственен каждому народу. Но будущее в виде проблемы, в качестве неразрешимого вопроса имеет место, как правило, только в периоды переживаемого им глубокого кризиса. Российское общество сегодня находится именно в таком состоянии, когда прежняя направленность развития прервана, а новой, способной вывести страну из кризиса, пока практически нет.

Среди современных авторов, работающих в направлении исследования различных аспектов развития России, можно отметить В.Г.Федотову, В.С.Степина, М.А.Маслина, И.В.Кондакова, А.С.Ахиезера, И.А.Гобозова, В.В.Ильина, Ю.А.Жданова, В.В.Миронова, А.С.Панарина, А.А.Кара-Мурзу, С.Г.Кара-Мурзу, И.К.Пантина, Г.П.Выжлецова, Ф.Гиренка, Г.Д.Гачева, А.Н.Ерыгина, Г.А.Дробота, Г.В.Осипова, К.М.Кантора, В.К.Кантора, Б.Г.Капустина, В.В.Кожина, Э.С.Кульпина, Н.С.Розова, О.К.Румянцева, В.В.Согрина, В.П.Данилова, А.П.Паршева, В.Н.Сагатовского, Н.Селиванова, Р.Г.Яновского и многих других.

Осмысливая и продолжая опыт русской философской мысли, сегодня авторы дают их собственную трактовку феномена России; раскрывают видение ими своеобразия ее духовных истоков и культурных традиций.*

* См. Маслин М.А. «Велико незнание России» // Русская идея М Республика. 1992; Ерыгин А.Н. Восток – Запад - Россия. Становление цивилизационного подхода в исторических исследованиях – Ростов-на-Дону Изд-во Ростов ун-та, 1993; Кондаков И.В. Культура России М Кн дом «Ун-т», 2000, Серия работ «Теоретическая политология. мир России и Россия в мире» - Ильин В.В., Панарин А.С. и др.

Изучая различные подходы, которые сложились в определении пути развития России «по отношению к обозначенным [в истории отечественной мысли – Б.Б.] координатам «Восток» - «Запад»», В.Г.Федотова предлагает выделить следующие основные точки зрения: «Россия находится между Востоком и Западом и не имеет цивилизационной определенности, она лишь колеблется в ту или иную сторону; Россия осуществляет слабый, неустойчивый синтез между Востоком и Западом, постоянно теряя стабильность и цельность; Россия – евразийская страна, в ней осуществлен синтез европейского и азиатского начала, ...; Россия вовсе не является азиатской страной, она – безусловно европейская страна, находящаяся, однако, в состоянии недостаточной развитости («отсталая» Европа, «вторая» Европа), ...; Россия представляет собой часть восточно-европейской цивилизации; Россия обладает собственной цивилизационной особенностью, которая ярче всего представлена ее провинцией».* Рассмотрение даже этих основных, выделенных подходов показывает насколько полярным является понимание специфики России и ее культурной идентичности среди современных отечественных авторов.

В обществе идет лихорадочный и во многом безуспешный поиск новых идей, способных сплотить народ, но при этом часто забывают, что многое из того, с чем сегодня пришлось столкнуться России, в той или иной форме уже имело свои проявления в ее исторической жизни.

Поэтому обращение к имевшим «хождения» в истории воззрениям и представлениям русских мыслителей, их адекватное воспроизведение и сравнение с современными взглядами на судьбу страны, помогает лучше понять, что же сейчас действительно происходит с Россией. А без этого знания, очевидно, невозможно наметить реальные пути выхода из того глубокого кризиса, в котором оказалось российское общество.

Проблема России и ее судьбы волновала многих русских философов XIX – XX вв. Вопрос: что такое Россия и каково ее предназначение в мире? – ставился известными русскими деятелями культуры и науки. Однако решался он, естественно, по-разному, в зависимости от идеологической и мировоззренческой ори-

---

* Федотова В.Г. Судьба России в зеркале методологии // Вопросы философии 1995 № 12 - С. 23;

ентации каждого мыслителя, его понимания места и роли России во всемирной истории. Н.А. Бердяев дает свое, весьма своеобразное, но обоснованное, понимание судьбы России и ее предназначения в мире.

И несмотря на то, что сегодня, как впрочем, и при его жизни, вряд ли найдется отечественный философ, который бы не подвергал критическому анализу воззрения Бердяева, каждый, кто в той или иной форме касается творчества этого русского мыслителя, отмечает непредвзятость и уникальность его идей, их огромное значение для развития философской мысли не только в России, но и далеко за ее пределами.

Однако ценность и актуальность творчества Бердяева для нас состоит не только в глубине анализа и широте спектра изучаемых им проблем, но и в, первую очередь, прогнозах возможных в будущем культурных и социальных преобразований в России, оценке их причин, природы и характера.

Степень разработанности проблемы исследования. Из всего многогранного творчества Бердяева в диссертации выделены и исследованы вопросы, которые имеют отношение к теме России, ее культуры, судьбы и предназначения в мире. Нас, как и Бердяева, волнует прошлое России, но особенно ее настоящее и будущее. Поэтому основное внимание в этой работе уделено произведениям Н. Бердяева, посвященным изучению философии истории и культуры России. Работа начинается с рассмотрения идейных истоков становления философских взглядов Бердяева. Естественно, что адекватно понять и воспроизвести взгляды Бердяева на культуру и историю России можно только при условии знания его общей культурно-исторической концепции. Поэтому в работе исследуются историософские взгляды Бердяева и его воззрения на культуру.

В самом начале 1918 года Бердяев пишет книгу «Философия неравенства», в которой в форме писем к недругам излагает свое понимание культурного и исторического процессов и дает оценку происшедшим в России в октябре 1917 года событиям. В этот же период он заканчивает работу над книгой «Судьба России». Осенью 1919 года Бердяев читает в Москве в Вольной Академии Духовной Культуры лекции по философии истории, которые стали основой его книги «Смысл истории».

Уже после высылки из Советской России в 1924 году в Берлине публикуется произведение Н. Бердяева «Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы», которое переводится на многие европейские языки и делает его широко известным интеллектуальной публике Запада. Затем выходят работы: «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея», «Самопознание» и другие.

В.В. Зеньковский в своей книге «История русской философии» выделяет четыре периода в творчестве Н.А. Бердяева: первый - характеризуется преобладанием этической темы; второй – религиозно-мистический период; в третьем – акцент смещен на историософскую тему (с повышенным вниманием к эсхатологии) и четвертый – персоналистический. При этом прот.Зеньковский специально отмечает, что предложенная классификация является не столько фиксацией ступеней творчества в их хронологическом порядке, сколько отражает различные стороны философии Бердяева.^{*} Кроме этого Зеньковский считал необходимым выделить также центральные идеи философии Бердяева. «Их собственно – писал он – две: а) принцип объективации и в) «примат свободы над бытием», но по существу это суть «вспомогательные» идеи, связанные с персоналистическими построениями Бердяева».^{**}

Н. Полторацкий в монографии «Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева)», предлагает несколько иной подход к рассмотрению различных этапов творческого пути Н. Бердяева. Им, как и в классификации Зеньковского, тоже выделяется четыре периода: первый – социологический или психологический период (от увлечения марксизмом и до 1-ой русской революции); второй - исторический или космический (от революции 1905 года до середины 20-х годов); третий - этический или персоналистический (от середины 20-х до середины 30-х годов) и четвертый – эсхатологический (от середины 30-х годов до смерти в 1948 году).^{***} Н. Полторацкий также делает оговорку, что хотя и связывает периоды с определенными хронологическими датами, понимать их надо ус-

---

^{*} См. Зеньковский В. История русской философии - М. Академический Просpekt. Раритет, 2001 – С. 720

^{**} Там же

^{***} Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева) – Нью-Йорк. Общество Друзей Русской Культуры. 1967 – С. 7-8

ловно. Речь в данном случае идет о преобладании в каждом из периодов соответствующей духовной установки.

Не возражая, в принципе, против предложенных классификаций В. Зеньковского и Н. Полторацкого и выделяя их некоторый схематизм, мы вместе с тем отмечаем, что Зеньковский в своей классификации в большей степени воспроизводит конкретные этапы становления творческого пути Бердяева, в котором на наш взгляд условно можно выделить два больших периода. Первый по середину 1919 года, который он сам определил в плане философской позиции как «космическое мироощущение». Дальнейшая эволюция взглядов Н. Бердяева шла в направлении его экзистенциального персонализма, когда историческая реальность рассматривалась результатом объективации субъективного духа. Отсюда характер и направленность исторического процесса непосредственно связывались со спецификой нашего духовного состояния.

В соответствии с вышесказанным кардинальному переосмыслению подверглась оценка Н. Бердяевым Октября 1917 года и советской России: от их полного неприятия в работе «Философия неравенства», до восприятия как объективной необходимости в судьбе России в «Новом средневековье», «Истоках и смысле русского коммунизма» и других более поздних произведениях.

При этом, перефразируя написанные уже в эмиграции слова самого Бердяева, можно сказать, что в «Философии неравенства» и других его работах 1917-1918 годов в оценке русской революции и большевизма мы знакомимся не столько с мыслями Бердяева-философа, сколько с чувствами Бердяева-аристократа, подвергшегося коммунистической экспроприации. Однако в эмиграции эмоции успокоились, и оценки исторических событий и фактов стали более адекватны его общему подходу к рассмотрению явлений в ракурсе анализа русской философии истории.

Здесь также необходимо отметить, что, несмотря на изменения взглядов по различным вопросам, в корне мировоззрение Бердяева никогда не менялось. Личность и духовность для него всегда были определяющими в развитии человека и его истории. Прав был Г.П. Федотов, когда он писал о том, что «в принципиальных вопросах он [Н.А. Бердяев – Б.Б.] остался самим собой».

Но можно согласиться и с Н. Полторацким, утверждавшим, что хотя исходные принципы мировоззрения у Бердяева не изменялись, и он действительно всегда оставался самим собой, «его оценки претерпели очень существенные изменения – и не только в «политических приложениях»». ^{*} Поэтому, фиксируя определенную эволюцию взглядов Н. Бердяева на события 1917 года в России необходимо отметить, что она стала следствием не столько смены его личных симпатий, сколько явилась результатом переосмысления места и роли этих событий в российской и всемирной истории.

О русской философии на Западе с 20-х годов XX века начинают судить в основном по произведениям Бердяева. В определенной степени этому способствовала и сама форма изложения материала в его работах, которая носила в целом повествовательный характер, сводящий до минимума использование специальных философских терминов. Подобный способ написания философских произведений объяснялся во многом специфическим пониманием Бердяевым природы философского знания, как разновидности искусства в сфере познания. Однако при внешней простоте изложения, сохранялась философская глубина и теоретическая обоснованность решений поставленных и рассматриваемых им проблем.

Рассматривая определенную специфику изложения Бердяевым его философии прот.В.В.Зеньковский, указывал на противоречивость, не систематичность и фрагментарность бердяевских текстов. ^{**} Не вызывает возражений и точка зрения Н. Полторацкого, подчеркивавшего, «что философия Бердяева – типа экзистенциального и профетического, а не научного или академического. Его диалектика – экзистенциальная, а не логическая, и его экспрессионизм – религиозный, а не феноменологический». ^{***} Кроме того, Полторацкий отмечал изменчивость воззрений Бердяева.

Ясперс писал о том, что идея содержит в себе характер не только логический, в связи с чем, попытки систематизировать и изложить чью-либо философию все-

---

^{*} Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева) – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры, 1967 – С. 17

^{**} Зеньковский В. История русской философии – М.: Академический Проект. Раритет, 2001 – С. 720

^{***} Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева) – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры, 1967 – С. 14

гда ее обедняют и лишают главного. Это в полной мере относится к различным вариантам систематизации и пересказа философии Бердяева. Однако в данном случае можно принять позицию Н. Полторацкого, который, соглашаясь с Ясперсом, применительно к собственному анализу творчества Бердяева писал, что основная задача при изложении чужой философии состоит «в том, чтобы разъяснить понятия и их взаимоотношения, формулировать вопросы и, приведя подлинные цитаты, объяснить оригинальный текст и помочь читателю в его истолковании».*

Постоянный интерес к творчеству Н. Бердяева сохранялся в среде русской духовной элиты, который не ослабевал в условиях эмиграции. Анализу различных сторон творчества Н. Бердяева посвящены работы таких его современников как: В. Розанова, прот. В. Зеньковского, С. Франка, Ф. Степуна, Д. Мережковского, И. Ильина, Г. Федотова, П. Сорокина, Л. Карсавина, Л. Шестова, А. Мейера, Н. Полторацкого и других. Среди произведений указанных авторов преобладали статьи критической направленности.

Рассматривая причину неоднозначной оценки взглядов Н. Бердяева, А. А. Ермичев отмечал, что ««правых» раздражала постоянная «левизна» Н. А. [Бердяева – Б. Б.], а «левых» - его симпатии к правде марксизма, коммунизма и Советской власти».** Крайне настороженно к его новациям в понимании христианства относились и православные богословы.

Историософия Бердяева, его взгляды на культуру, а также видение им роли и предназначения России в мире тоже весьма критически оценивались современниками. К примеру, В. В. Розанов, размышляя по поводу книги Н. Бердяева «Смысл творчества» отмечал, что содержащиеся в ней идеи мессианского призвания России не отражают сущности ее реального, то есть религиозного, бытия. Призвание России, считал он, совсем не в этом и «это не «удел Руси»». Мессианизм, наиболее характерный в его религиозной форме для еврейского народа, в различной степени, по мнению Розанова, присущ большинству народов мира. Поэтому рас-

---

* Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н. А. Бердяева) – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры, 1967 – С. 17

** Бердяев Н. А.: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1994 [Русский путь, т. 1] – С. 9

сма­три­вать мис­си­о­низм как свой­ство ис­клю­чи­тель­но ха­рак­те­ри­зу­ю­щее куль­ту­ру толь­ко ев­рей­ско­го и рус­ско­го на­ро­дов, озна­ча­ет ис­ка­жать рус­сий­скую ис­то­рию.*

В от­ли­чие от В.В.Ро­за­но­ва В.В.Зе­нь­ков­ский в од­ной из до­ре­во­лю­ци­он­ных ста­тей вы­со­ко оце­ни­вал зна­че­ние кни­ги Н.Бер­дя­ева «Смы­сл твор­че­ства» Он под­чер­ки­вал, что она яв­ля­лась «вы­со­ко­цен­ным до­ку­мен­том, на­сто­я­щим па­мят­ни­ком на­шей м­я­ту­щей­ся эпо­хи.... Че­рез всю кни­гу Н.А.Бер­дя­ева про­хо­дит это про­ро­че­ское на­стро­е­ние, это чув­ство над­ви­га­ю­ще­го­ся ду­хов­но­го пе­ре­ло­ма; в нем не­со­м­нен­но сле­ду­ет ви­деть од­ин из глав­ных ис­точ­ни­ков вдох­но­ве­ния у Н.А.Бер­дя­ева. В этом от­но­ше­нии он близок ко мно­гим на­шим со­вре­мен­ни­кам, очень яр­ко пере­жи­ва­ю­щим та­кое же чув­ство над­ви­га­ю­ще­го­ся ми­ро­во­го кри­зи­са,...» ** Вме­сте с тем, од­ну из ос­нов­ных оши­бок, со­дер­жа­щих­ся в кни­ге, Зе­нь­ков­ский ус­ма­три­ва­ет в том, что Бер­дя­ев фак­ти­че­ски не раз­ли­ча­ет хри­сти­ан­ство как иде­аль­ную за­да­чу, дан­ную нам в Еван­ге­лии, «и его ис­то­ри­че­ское воп­ло­ще­ние».

Л.П.Кар­са­вин, рас­с­ма­три­вая из­дан­ную Бер­дя­евым уже в эми­гра­ции кни­гу «Смы­сл ис­то­рии. Опыт фи­ло­со­фии че­ло­ве­че­ской судь­бы», от­ме­ча­ет близость по­зи­ций по ос­нов­ным, ис­сле­ду­е­мым в ней про­бле­мам. Но по­доб­ное род­ство взгля­дов не ис­клю­ча­ет, по его м­не­нию, кри­ти­че­ско­го ана­ли­за от­дель­ных, со­дер­жа­щих­ся в ней по­ло­же­ний. В част­но­сти, Бер­дя­ев в дан­ной кни­ге свя­зы­ва­ет ста­но­в­ле­ние все­мир­ной ис­то­рии с по­яв­ле­ни­ем хри­сти­ан­ства. Од­на­ко как в этом слу­чае быть с на­ро­да­ми, ко­то­рые его не при­ни­ма­ли и не при­ни­ма­ют. Они что, не вхо­дят все в по­ток все­мир­ной ис­то­рии. «Но если так, - пи­сал Л.П.Кар­са­вин – то тем хуже для ...«все­мир­ной ис­то­рии». А если она, в чем мы с ав­то­ром со­глас­ны, дол­жна осно­вы­вать­ся на хри­сти­ан­ской иде­е, не­об­хо­ди­мо эту ид­ею по­нять бо­лее ши­ро­ким, вме­ща­ю­щим все мно­го­ве­ко­вые куль­ту­ры об­ра­зом» *** Имен­но рас­ши­ри­тель­ное по­ни­ма­ние хри­сти­ан­ской иде­и по­зво­ля­ет, по м­не­нию Кар­са­ви­на, вос­при­ни­мать все­мир­ную ис­то­рию че­рез раз­ви­тие мно­го­об­разия раз­лич­ных, в том чис­ле и не­хри­сти­ан­ских, ти­пов куль­тур.

---

* Ро­за­нов В.В. Иде­я «мис­си­о­низ­ма» По по­во­ду кни­ги Н.А.Бер­дя­ева «Смы­сл твор­че­ства» // Бер­дя­ев Н.А. pro et contra. Кн.1. СПб. РХГИ. 1994. [Рус­ский путь, т.1] – С. 276-279

** Зе­нь­ков­ский В.В. Про­бле­ма твор­че­ства По по­во­ду кни­ги Н.А.Бер­дя­ева «Смы­сл твор­че­ства. Опыт оправ­да­ния че­ло­ве­ка» // Там же – С. 284

*** Кар­са­вин Л.П. Н.А.Бер­дя­ев «Смы­сл ис­то­рии. Опыт фи­ло­со­фии че­ло­ве­че­ской судь­бы» «Ко­нец Ре­не­сан­са (К со­вре­мен­но­му кри­зи­су куль­ту­ры)» // Там же – С. 328

А.А.Кизеветтр подвергает критике утверждение Бердяева, что русский народ «совершенно не способен к созиданию относительных ценностей земной культуры».^{*} Бердяев действительно не только в рассматриваемом Кизеветтром докладе, но и в большинстве своих работ, специально подчеркивал, что русского человека никогда не удовлетворяло срединное царство культуры. Согласно Кизеветтру, подобная трактовка специфики духовного облика русского человека возможна лишь «в том случае, если мы зачеркнем всю историю русского народа и закроем глаза на всю громадную созидательную культурную работу, этим народом в течение его истории совершенную».^{**} Вся история колонизации русским народом огромных пространств, утверждал Кизеветтр, показывает, что он обладает творческими способностями в области именно «относительных ценностей земного благоустройства».

Лев Шестов, рассматривая проблему несотворенной свободы в произведениях Бердяева, отмечал, что последний «ведет свою философскую родословную от знаменитого немецкого мистика Якова Беме, и через Беме – от немецкого идеализма».^{***} Свобода, согласно Бердяеву, не создана Богом, она «коренится в небытии», и Бог, как и человек, над ней не властен. Подобный подход, по мнению Шестова, является следствием абсолютизации роли человеческих знаний в качестве источника познания. «Но сотворенная Богом свобода, - писал он – не терпящая и не выносящая принуждения, имеет совсем иной источник, с нашими знаниями не сливающийся».^{****} Источником свободы для человека выступает вера, только в ней он, согласно Шестову, обретает подлинную духовность и свободу.

Г.П. Федотов, будучи духовно близким философии Бердяева и отмечая богатство и сложность его творчества, открывшего Западу «всю противоречивость и глубину русского религиозного гения», тем не менее использовал очень резкие выражения при оценке отдельных положений социальной концепции Бердяева.

Последний, по его мнению, своим абсолютным непринятием ценностей либеральной демократии фактически приближался «к фашизму в его русской или за-

---

^{*} Кизеветтр А.А. О «русской душе» // Бердяев Н.А. pro et contra. Кн. I. СПб. РХГИ 1994 [Русский путь, т. I] – С. 331-332

^{**} Там же. – С. 332

^{***} Шестов Л. Николай Бердяев. Гнозис и экзистенциальная философия // Бердяев Н.А. pro et contra. Кн. I. СПб. РХГИ 1994 [Русский путь, т. I] – С. 412

^{****} Там же. – С. 436

надной форме». «Если в полном отрицании экономической свободы Бердяев – писал Г.П. Федотов – приближается к коммунизму, то в корпоративной организации государства он разделяет принципы и восточного (советского), и западного фашизма».* Согласно Федотову, корпоративная система, которую предлагал претворить в жизнь Бердяев, в условиях отсутствия принципа многопартийности, неизбежно станет «политической основой для тирании». Однако на наш взгляд, подобные обвинения Бердяева несправедливы. Он всегда рассматривал корпоративную систему как идеал для будущего общества и не питал иллюзий относительно возможных перспектив ее реализации в современном ему западном или восточном обществе. Это непосредственно следует из его критики евразийства

Предельно жесткую оценку позиции Н. Бердяева, занимаемой им в поздний период его творчества, давал и С.А. Левицкий. «После войны, - писал он в последние годы своей жизни, Бердяев, ослепленный законной ненавистью к гитлеризму, вообще стал слишком много прощать большевикам. Мыслитель, сказавший в свое время самые разоблачающие слова о большевизме, заклеивший советскую власть как «сатанократию», склонен был даже увидеть в них предшественников новой, высшей эпохи».** Подобные мысли Бердяева Левицкий называл печальными заблуждениями, но при этом он соглашался с Бердяевым в том, что если западная демократия не воспримет подлинные христианские ценности, она неизбежно рухнет под напором сил нового варварства.

В качестве одной из наиболее интересных и серьезных в научном плане работ, посвященных анализу русской философии истории у Бердяева, изданных представителями эмиграции за границей, можно отметить уже упоминаемую нами книгу Н. Полторацкого «Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева)»*** Она была издана в Нью-Йорке в 1967 году и представляла прерванный автором текст, защищенной им в Сорбонне диссертации.

Работа состоит из двух частей, в первой Н. Полторацкий излагает воззрения Н. Бердяева на Россию и ее историю; во второй им дается критическая оценка от-

---

* Федотов Г.П. Бердяев – мыслитель // Бердяев Н.А. pro et contra Кн.1 СПб РХГИ 1994 [Русский путь, т.1] – С. 443-444

** Левицкий С.А. Бердяев. пророк или еретик? // Там же – С. 515

*** Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева) – Нью-Йорк Общество Друзей Русской Культуры 1967 – 270 с

дельных положений философии Бердяева и его взглядов на историю России. Естественно, в оценке Н. Полторацким русской революции, большевизма и советской России присутствует определенная тенденциозность, которая сказывается и на специфике общего анализа творчества Бердяева, но в целом книга позволяет познакомиться с оригинальной авторской трактовкой философии истории России у Н. Бердяева.

Среди работ советского периода, кроме нескольких разгромных статей 20-х – 30-х годов и небольшой статьи о Н. Бердяеве в «Философской энциклопедии», можно отметить книгу В.А. Кувакина «Критика экзистенциализма Н. Бердяева» М.: 1976 г. Естественно, данная работа была не свободна от идеологических стереотипов своего времени, но она знакомила советского читателя с известным на Западе русским философом.

С конца 80-х начала 90-х годов в СССР, а затем России, публикуются основные произведения Н. Бердяева. Выходят работы, посвященные исследованию его взглядов, таких отечественных авторов, как: М.А.Маслина, П.П.Гайденко, Е.В.Барабанова, А.Ф.Замалеева, А.А.Ермичева, Л.И.Новиковой, И.Н.Сиземской, Р.А.Гальцевой, В.В.Шкоды, С.С.Неретиной, В.Н.Ильина, Л.В.Полякова, В.Г.Могильницкого и других. В публикациях современных отечественных авторов основное внимание концентрировалось на анализе Н. Бердяевым темы свободы, а также непосредственно связанными с нею проблемами творчества и личности.

Исследованию историософских взглядов Бердяева сегодня уделяется значительно меньше внимания. В то же время адекватно раскрыть его восприятие свободы, показать ее тождественность личности и творчеству без историософии и понимания Бердяевым культуры нельзя. Как справедливо отмечает П.П.Гайденко, «личность, по Бердяеву, не просто обладает свободой, она и есть сама свобода».* Но личность не существует абстрактно, то есть вне объективированного пространства и времени. История выступает своеобразным полем, на котором раскрывается внутренняя природа и судьба человека.

---

* Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века М. Прогресс-Традиция. 2001 - С. 303

Историческая память становится духовным основанием личности. Поэтому сама культурно-историческая концепция Бердяева складывается и существует не только в виде набора абстрактных понятий и терминов, но и в форме его переживаний, в которых он реализует себя как личность в пространстве истории и культуры. Следовательно, историософия Бердяева, его восприятие культуры как объективированной духовности, определяющей цели и характер исторического процесса являются свособразным ключом к пониманию природы исходных принципов, положенных Бердяевым в основание его философских взглядов.

Рассматривая особенности творчества Н. Бердяева, П.П.Гайденко в книге «Владимир Соловьев и философия Серебряного века» пишет о том, что это был глубоко русский мыслитель. «В центре философского интереса Н.А.Бердяева – отмечает она – всегда был и оставался человек: как бы ни менялись политические симпатии и философские увлечения Бердяева, какие бы влияния ни претерпевал он в ходе своего развития, центральной темой его мысли был человек, его свобода, его судьба, смысл и цель его существования».* П.П.Гайденко подчеркивает глубокое влияние Достоевского на становление философского мировоззрения Бердяева, который, тем не менее, расходился с ним в оценке роли и места добра и зла в обществе.

Для Достоевского в мире не может быть ничего, что могло бы быть выше добра как моральной ценности, для Бердяева – высшей ценностью является свобода. Автор отмечает, что большое влияние на развитие представлений Бердяева о свободе как первоисточнике «всего действительного, актуального, оформленного» оказали немецкие мистики, в особенности Яков Беме с его представлением о «бездне», которая предшествовала Богу.

Вместе с тем, абсолютизируя роль свободы для человека, Бердяев, согласно Гайденко, «оказался слепым по отношению к различию в формах государства» Он одинаково отрицательно относился и к либерально-конституционным, то есть правовым, и к авторитарным формам государственности, считая их разновидностями Левиафана.

---

* Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века М. Прогресс-Традиция 2001 - С 302

Излагая философские воззрения Бердяева в книге «Очерки русской утопической мысли XX века», Р.А.Гальцева отмечает определяющую роль творчества в его философии. Творчество у Бердяева выступает предназначением человека, его нравственным долгом и спасением. «Бердяев – пишет Р.А.Гальцева – строит историческую культурологию, согласно которой человечество в своем духовном развитии проходит три фазы, детерминированные тремя типами сознания и этики».^{*} Первая фаза соответствует Ветхому завету и является законнической; вторая – Новому завету и составляет фазу искупления и, наконец, третья фаза выступает Эпохой творческого сознания, которая адекватна уже «не божественному, но антропологическому откровению – в Духе».

Отмечая огромную популярность Бердяева в мире, автор подчеркивает, что последний открыл для Запада экзотическую привлекательность мотивов и тем, вынесенных из русской философии и культуры. «Он [Бердяев – Б.Б.] - пишет Р.А.Гальцева – был самым известным и читаемым из прибывших на Запад русских эмигрантов. Общество Бердяева сообщает в своем бюллетене 1953г., что его книги публикуются от «Дармштадта до Сантьяго и от Нью-Йорка до Токио»».^{**} В 1947 году он стал доктором теологии Кембриджского университета. Автор пишет, что и сегодня Бердяев остается одним из наиболее читаемых философов на Западе.

М.А.Маслин и А.Л.Андреев в статье «О русской идеи. Мыслители русского зарубежья о России и ее философской культуре» отмечают особенности и специфику стиля и «техники» мышления Бердяева. Авторы пишут о том, что его часто критиковали за афористичность и логическую не строгость суждений. «Бердяева – подчеркивают М.А.Маслин и А.Л.Андреев – действительно можно обвинять во многих «философских грехах», но нельзя обвинить в одном – в догматизме. Он мыслит раскованно, свободно, антиавторитарно. Но и проблемы, которые его занимают, таковы, что с ними как бы «легче работать» в таком ключе. Ведь Бердяев – сторонник экзистенциального философствования; в ткани философской культу-

---

^{*} Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX века. – М. Наука, 1992 – С. 75.

^{**} Там же, С. 13-14.

ры он вычленяет, прежде всего, интересующие его темы свободы и творчества, души и духовности, смысла жизни и судьбы, рождения и смерти».*

По мнению М.А.Маслина и А.Л.Андреева, у Бердяева можно вычленить очень продуктивную мысль о включенности философии в культуру. При этом философия может и не выделяться в самостоятельную систему, функционируя в рассредоточенном по различным духовным сферам виде. Формирование собственно философских систем имело место не всегда и не везде, поэтому специализированные философские системы не исчерпывают «собой философии как таковой». К примеру, адекватно понять русскую философию, не зная художественного творчества, в первую очередь литературы, нельзя.

А.А.Ермичев в своих работах, посвященных исследованию философии Н.А.Бердяева, подчеркивает ее персоналистический характер, сущность которого состоит в том, что в ней «предложено и объяснено единство свободной индивидуальности с универсальным началом. ...Н.А. [Бердяев – Б.Б.] оказывается «сызмальства» персоналистичен, и вся его дальнейшая эволюция предстает решением вопроса о том, как и при каких обстоятельствах свободная, самоопределяющаяся личность может, не поступаясь своей свободой, быть в гармонии с миром и почему эта гармония скорее ожидаемая чем наличная». ** Не человек в обществе, а общество в человеке, который в качестве личности есть высшая духовная субстанция.

В истории, по мнению А.А.Ермичева, Бердяев вычленяет три действующие силы. «Первая – Бог как Добро, Истина, Красота и Совесть. ...Вторая сила – отвердевшая добытийственная свобода, необходимость объективации, Рок. Третья – сам человек. Он может стать союзником Бога в преображении мира. Он может стать его противником, утверждая этот мир как единственный. История и есть противоборство творчества во имя Бога и злого творчества». *** Человечество, согласно Бердяеву, должно еще дорасти до всеобщего «исхода» из мира объективации.

---

* Маслин М.А., Андреев А.Л. О русской идее. Мыслители русского зарубежья о России и ее философской культуре // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М. Наука. 1990. - С. 15-16.

** Бердяев Н.А. pro et contra. Кн. 1. СПб. РХГИ. 1994. [Русский путь, г. 1] – С. 13.

*** Ермичев А.А. Три свободы Николая Бердяева. (Из цикла «Страницы истории отечественной философской мысли») – М.: Знание, 1990. – С. 24.

А.Ф.Замалеев в своей книге «Лекции по истории русской философии» выделяет два ключевых аспекта философии Бердяева: а) антроподицию и б) русскую идею. Сущность первого состоит в признании творческой природы человека, который оправдывает свое существование лишь в творчестве и через творчество. «Антроподиция, - пишет А.Ф.Замалеев – согласно Бердяеву, это «третье антропологическое откровение», возвещающее о наступлении «творческой религиозной эпохи».* В творчестве человек одухотворяет и преобразует падший мир, преодолевая все его зло и объективацию.

Русская идея, по мнению А.Ф.Замалеева, является для Бердяева «умопостижимым образом» России, субъективным отвлечением ее истории. Религиозный характер русской идеи, по мнению автора книги, обеспечивает целостность и тоталитарность, основанного на ней мирозерцания. Познание разумом здесь дополняется чувством и верой, обнажая в человеке его свободное, истинное начало.

С.С.Неретина, рассматривая философию истории Бердяева в статье «Бердяев и Флоренский о смысле исторического»,** подчеркивает наличие противоположности и одновременно связи между понятиями исторического и историзма. Последняя проявляется в той мере, в какой ноумен может соприкасаться с феноменом. Автор подчеркивает, что для Бердяева история выступает процессом самораскрытия духа, в котором можно выделить шесть основных этапов.

Первый этап - античный, который характеризуется «статичностью» мысли и отсутствием исторического познания. Второй – связан со становлением еврейского мессианизма и появлением предпосылок исторического сознания. Третий этап – христианский. Он характеризуется появлением эсхатологии и идеи всемирной истории.

Четвертый – эпоха Возрождения, при которой человек объявляет себя высшей целью мироздания, затмив на время подлинные духовные (христианские) ценности своего бытия. Пятый этап – Реформация, характеризовался утверждением одного Божественного начала, при отрицании самостоятельности человеческой природы. Социализм выступает шестым этапом, при котором была предпринята по-

---

* Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии. Изд. 2-е, доп. – СПб. Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999 – С. 217

** Неретина С. С. Бердяев и Флоренский о смысле исторического // Вопросы философии. 1991 № 3 – С. 67-83

пытка утверждения Царства Божия на земле. Все вышеназванные этапы истории представляют разные стороны проявления человеческой духовности и степень ее объективации в «падшем» мире.

А.И.Новикова и И.Н.Сиземская, рассматривая основные моменты философии Бердяева в книге «Русская философия истории: Курс лекций»^{*}, пишут, что изложение своей философии истории Бердяев начинает с различения понятий «историзм» и «историческое». История совершается во времени, поэтому у Бердяева содержание «исторического» раскрывается в связи с его пониманием характера и природы времени. Бердяев выделяет три типа времени: космическое, историческое и экзистенциальное.

Человек не может существовать вне истории, он выброшен в тварный, объективированный мир. Однако при этом сам человек не интересуется историей, которая осуществляется через развитие цивилизаций, народов и государств.

Поэтому для человека его земная история лишена всякого смысла. «Но у истории – подчеркивают А.И.Новикова и И.Н.Сиземская, в одной из своих статей кроме земного есть [согласно Бердяеву – Б.Б.] иной, эсхатологический смысл, который просветляет и направляет ее земной путь. Этот смысл открывается в движении к Царству Божьему. В земную историю прорывается метаистория».^{**} Апокалипсис – это суд над историей, а не конкретным человеком. Необходима персоналистическая революция, которая, преодолев объективацию человеческого бытия, завершит историю.

Воззрения Бердяева на историю и культуру во многом предопределили эволюцию его взглядов в понимании специфики русской революции и последующего развития России. Это необходимо особо отметить, поскольку многие из находившихся вместе с ним в эмиграции русских философов, а также некоторые современные отечественные авторы, упрекали его в симпатиях к большевизму. Обвинения Бердяева в сочувствии советской власти особенно усилились после выхода

---

^{*} Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории. Курс лекций – Изд. 2-е, доп. – М.: Аспект Пресс, 2000 – 399 с.

^{**} Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Антиномия личности и общества (Антропософский опыт Н. Бердяева) // Общественные науки и современность. 1997. № 1 – С. 158.

в свет таких его работ, как: «Новое средневековье», «Правда и ложь коммунизма», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея».

В связи с отмеченным выше можно обратиться к высказываниям самого Бердяева, который неоднократно подчеркивал, что, будучи аристократом, по происхождению, и «в целом западным человеком», он не мог испытывать никаких симпатий к большевизму и советской власти. Характер его исследований революции и советской России определялся предложенным им же методом адекватного постижения истории. Согласно последнему, историк при анализе различных периодов в жизни людей должен стремиться объединить свою судьбу с судьбой исследуемого им народа. Однако, если духовный мир ученого окажется слишком далеким от культурных потенций рассматриваемой им эпохи, то адекватного постижения истории не произойдет.

Поэтому, при исследовании событий Октября 1917 года и советской власти, Н. Бердяев старался по возможности освободиться от собственных предубеждений, преобладавших в период написания им «Философии неравенства», и западных стереотипов мышления. Он стремился постигнуть смысл изучаемых явлений в ракурсе исторического движения. Для Бердяева главное было не то, насколько происходящее в России отражает его личные симпатии и оценки, а то, насколько это соответствует традициям и общей направленности развития культуры и истории народа. В этом он видел условие проведения независимого исследования, имеющего научную значимость для анализа вероятных в будущем путей развития России.

В качестве гипотезы в диссертации на основе анализа взглядов Н.А. Бердяева выдвигается положение о том, что судьба России состоит в осуществлении ее призвания – возрождении в мире подлинных духовных ценностей и через это собиране, объединение себя и всего мира как единого целого. Русская революция явилась центральным моментом в осуществлении Россией ее предназначения. Однако специфика складывающейся после революции ситуации в стране, особенности коммунистического строительства в России создали определенную угрозу для его реализации. Построение модели государственного социализма в России в условиях недооценки духовного фактора объективно способствовало формированию собственнической психологии у коммунистической бюрократии, вследствие

чего имел место процесс ее постепенного обуржуазывания. Это обстоятельство вело к перерождению сознания властвующей элиты в направлении отрицания ценностей коммунизма и присвоения государственной собственности.

Объект исследования – история и культура в философской мысли о России на материале творчества Н. Бердяева.

Предмет исследования – судьба России в культурно-исторической рефлексии Н. Бердяева.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении и анализе, в процессе реконструкции культурологической концепции Н. Бердяева, духовных истоков и традиций, составляющих основу культурной идентификации и единства народов России; уяснение их роли в выборе направленности и определении специфики развития современного российского общества. Для достижения данной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

1. Рассмотреть идейные истоки историософских взглядов Н. Бердяева, проанализировать их экзистенциально-персоналистическую природу.
2. Осуществить сравнительный анализ творчества и культуры в концепции Бердяева, рассмотреть национальные истоки культуры.
3. Раскрыть понимание Бердяевым ограниченности собственно культурного бытия в истории.
4. Исследовать позицию Бердяева в отношении места и роли России в мировом культурно-историческом процессе.
5. Вскрыть причины появления духовного и социального раскола в российском обществе и проанализировать его влияние на характер и направленность развития исторического процесса.
6. Исследовать взгляды Бердяева на природу русской революции, большевизма, а также рассмотреть место и значение коммунизма в судьбе России.
7. Раскрыть понимание Бердяевым причин обуржуазования бюрократии в советской России и проанализировать последствия этого процесса для развития общества.
8. Рассмотреть взгляды Бердяева на возможные пути трансформации общественной системы России в сопоставлении с наиболее значимыми мыслителями

русского культурного зарубежья и исследовать вероятные направления ее развития в будущем.

Теоретико-методологические основания исследования составляют идеи и концепции русских мыслителей и философов XX века, представляющих духовное наследие России, ее философию и культуру. Тематически наиболее близкими к сфере проведенного анализа в предложенной диссертационной работе выступают произведения Г.Федотова, Н.Трубецкого, Л.Карсавина, Н.Полторацкого. Вместе с тем необходимо отметить отличие методологии, используемой в диссертации, от той, которую обычно применяли в своих работах русские философы, эмигрировавшие из России.

К примеру, Полторацкий, исследуя русскую философию истории Бердяева и сравнивая свой метод ее анализа с тем, как Бердяев рассматривал историю и культуру России, специально подчеркивал их различие «Он [Бердяев – Б.Б.] – писал Полторацкий – всегда идет от общего и целого к частному и единичному. Для нашей, по существу аналитической и критической, работы, правильнее, однако, идти обратным путем – от частного к общему,...»^{*} Руководствуясь вышеназванным принципом, Полторацкий дает следующую тематическую цепочку осуществленного им анализа: русский народ, русское христианство, русское государство, русская революция и коммунизм; русская культура, русская идея, Россия, Европа и Человечество.

На наш взгляд, при проведении исследования России на материале текстов Бердяева, более адекватно понять и изложить его позицию, можно лишь применяя им же используемую схему анализа. Поэтому в диссертации тема России рассматривается в контексте общей историко-культурной концепции Бердяева.

При этом воспроизводился предложенный Бердяевым метод анализа исторического процесса, суть которого состоит в том, что любые исторические события и факты могут быть правильно поняты лишь при условии раскрытия духовных истоков, лежащих в их основании. Подобный подход позволяет более всесторонне и глубоко подойти к рассмотрению и применению принципов материалистиче-

---

^{*} Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А.Бердяева) – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры. 1967. – С. 14

ского понимания истории и Марковского метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Необходимо также отметить, что исследование, осуществляемое на материале работ конкретных философов, предполагает возможность использования двух основных принципов его проведения: во-первых – системно-тематического, при котором внимание акцентируется на анализе уже сложившейся концепции и произведениях, ее раскрывающих, и, во-вторых – хронологическом, когда основное внимание уделяется этапам становления взглядов философа. При этом произведения изучаются в строгом соответствии со временем их написания. В диссертации исследование, в основном, осуществлялось в соответствии с первым принципом. Анализ становления самого творческого процесса у Бердяева рассматривался лишь в той мере, в какой это было необходимо для адекватного раскрытия темы.

Следует также подчеркнуть, что акцент при исследовании философии истории России, роли русской революции, большевизма и советской власти в ее судьбе в диссертации был смещен в сторону более поздних работ Бердяева. Такой подход отличается как от большинства современных отечественных, так и зарубежных, в том числе эмигрантских, исследований

В этой связи можно опять-таки сослаться на Н.Полторацкого, который в Предисловии к своей книге прямо писал о том, что при анализе философии истории России у Бердяева, он отдавал предпочтение его относительно ранней работе «Судьба России», при этом «Русская идея» рассматривалась в основном в критическом аспекте. «Ей [Е.Ю.Рапп, свояченице Н.Бердяева – Б.Б.] - подчеркивал Н.Полторацкий был дорог Бердяев «Русской идеи», мне – «Судьбы России», по многим вопросам мы совершенно расходились во взглядах,...».* Такая позиция при рассмотрении творчества русского философа являлась следствием распространенного мнения, будто бы взгляды Бердяева в поздних произведениях были неадекватны общему ходу и направленности его исследований России.

Это объяснялось ростом патриотических чувств у Бердяева в связи с превращением советской России в великую державу, победившую во второй мировой

---

* Полторацкий Н. Бердяев и Россия (Философия истории России у Н.А. Бердяева) – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской Культуры 1967 – Предисловие, С. VI

войне. Данное развитие событий русской истории якобы повлияло на становление его личных симпатий к революции, большевизму и советской власти, которые нашли свое выражение в поздних произведениях, в частности «Русской идее».

Подобный подход противоречит на наш взгляд во первых, общей специфике развития творческого процесса, в котором более поздние произведения, как правило, отражают уже зрелые и сложившиеся мысли автора и, во вторых, позиции самого Бердяева, подчеркивавшего, что «Русская идея» является одним из основных произведений, по которому следует судить о его творчестве.

Теоретическая значимость и научная новизна диссертационного исследования состоит в следующем:

1. Рассмотрены и проанализированы еще мало изученные аспекты историософии и философии культуры Н. Бердяева; несмотря на изменчивость и противоречивость его взглядов в отношении роли коммунизма и революции в судьбе России в диссертации эксплицирована логически последовательная линия в позиции Бердяева по данным вопросам.

2. Исследованы идейные истоки историософских взглядов Н.Бердяева, показана роль марксизма в их становлении и развитии.

3. Раскрыта концептуальная основа экзистенциально-персоналистического подхода в анализе истории у Бердяева.

4. Осмыслена символически условная природа культуры, исследованы ее ценностные, духовные основания. Выявлено, что, согласно Бердяеву, для достижения реально-абсолютного бытия, человек должен преодолеть культуру с ее объективированными и символическими формами.

5. В диссертации рассмотрены национальные истоки культуры, эксплицирована взаимосвязь между появлением современных форм национализма и становлением буржуазных отношений. Доказано, что установление справедливого социального распределения выступает обязательным, но недостаточным условием объединения людей разных национальностей.

6. Исследовано культурное своеобразие России в качестве евразийского государства. В работе обосновано положение, согласно которому раскол и связанное с ним предреволюционное брожение порождают динамизм в развитии России, чего не было в истории допетровской Руси.

7. Проанализированы, выделенные Бердяевым, социально-культурные факторы, приведшие к появлению в 30-40-е годы XIX века интеллигенции в России. Доказано, что принадлежность к культурному слою, занимавшемуся интеллектуальной деятельностью, является недостаточным основанием для того, чтобы считаться интеллигенцией в России.

8. Показано, что национализация марксизма в его ленинском варианте возродила на совершенно новой идеологической основе символы и традиции русской культуры прошлого. Осмыслено сформулированное Бердяевым положение, согласно которому большевизм выступил третьим явлением великодержавности России.

9. Рассмотрено и обосновано утверждение Бердяева о том, что большевизм явился «извращенным выражением русской идеи». Выявлено, что в превращенной форме, он воспроизводил образ Царства правды, загнанный в глубины народного подсознания. Показано, что при этом вера в социализм выступала приземленным аналогом веры в Бога.

10. Рассмотрены факторы, способствовавшие, согласно Бердяеву, постепенному обуржуазованию бюрократии в советской России. Доказано, что данное обстоятельство формировало сознание властвующей элиты в направлении отрицания ценностей коммунизма.

10. Осуществлен сравнительный анализ взглядов Н. Бердяева, евразийцев, Г. Федотова и И. Ильина по проблеме будущего России, эксплицирована общность позиций, а также принципиальные различия в этом вопросе.

12. Установлено, что исторически народы России всегда консолидировались на основе общей духовной близости. Показано, что разрушение общей для народов России духовности несет в себе угрозу непредсказуемых потерь, катастрофических потрясений и в длительной перспективе ведет к распаду государства.

На защиту выносятся следующие положения

1. В процессе становления историософских взглядов Бердяева и преодолении им марксизма он выделял русский аспект в видении социальных проблем России, противопоставляя тем самым свою позицию ортодоксальному марксизму. Вместе с тем внутренняя связь Бердяева с прежней марксистской традицией сохраняется

в его творчестве и в используемой частично терминологии и в подходах к решению наиболее серьезных социальных проблем.

2. Основу исторического движения в историософии Бердяева составляет духовность народа, раскрываемая в духовности личности. Посредством философской интуиции, в порыве творчества и экстаза человек, погружаясь в экзистенциальные пласты своей памяти, постигает историю как часть его собственной судьбы, в которой прошлое столь же реально, как и настоящее.

3. В символической форме смысл исторического бытия раскрывается в культуре, выступающей объективацией человеческой духовности. При этом культура является духовной памятью народа, в которой каждая нация хранит свои истоки и реализует духовные потенции.

4. Современное положение в мире делает все более очевидным тот факт, что проблема единства человечества не разрешима только политическими или социально-экономическими мерами. Необходимо также культурное или духовное возрождение народов. Только сохраняя и развивая богатство национальных культур, можно достичь единства человечества в многообразии его индивидуальных проявлений.

5. Историческое призвание России раскрывается в концепции Бердяева в виде движения к цели по собиранию, объединению себя как единого целого и через это – достижение единства в мире. Поскольку подобную миссию не может выполнить государство, занимающее жалкое экономическое, военное и политическое положение, то русское мессианское сознание имманентно содержит в себе идею создания Великой России.

6. Становление в 30-40-е годы XIX века интеллигенции явилось результатом углубляющегося раскола российского общества. Интеллигенция выступила «духовно-социальным образованием», возникшем на почве общего чувства вины у части культурного слоя перед народом за его бесправное и унижительное положение.

7. Русская идея в культурно-исторической концепции Бердяева раскрывается в качестве идеи спасения, включающей идеал социальной справедливости и братства народов в виде своей имманентной сущности. Она не может быть идеей

«цветущей культуры могущественного Царства». Она есть эсхатологическая идея конца истории, «конца Христова или антихристового».

8. Коммунизм в качестве идеологии советской России стал естественным продолжением национальных традиций с их максимализмом и стремлением к социальной правде. Русского человека никогда не удовлетворяло срединное царство культуры. Поэтому русский коммунизм с его теорией совершенного и социально справедливого общества явился хотя и деформированным своим тоталитаризмом, но вполне соответствующим национальному характеру развитием русской идеи.

9. Процесс обуржуазывания коммунистической бюрократии, которому объективно способствовало построение модели государственного социализма и игнорирование законов общечеловеческой духовности в советской России, создал предпосылки для нравственного перерождения властвующей элиты и ее отказа от коммунистических принципов, что, согласно взглядам Бердяева, представляло угрозу не только для коммунизма, но и для русской идеи в целом.

10. Сопоставляя взгляды Н. Бердяева и евразийцев на судьбу России можно констатировать, что их объединяла мысль необходимости сохранения в будущем идеала социальной справедливости как основы единения российских народов. Основное различие вытекало из противоположности подходов в понимании роли государства в постсоветской России, которую евразийцы абсолютизировали, в то время как Бердяев ограничивал сферу государственных действий правами личности и «свободой творящего духа».

11. Общность позиций в восприятии будущего возрождения России у Н. Бердяева, Г. Федотова и И. Ильина определялась их видением его как результата обращения к подлинным христианским ценностям в процессе становления творческой личности. Основное принципиальное отличие состояло в том, что для Федотова и Ильина условием этого возрождения был отказ от коммунизма, Бердяев же видел в коммунизме судьбу России и считал, что его правда должна войти в возрожденную Россию.

12. Судьба России прослеживается в ее истории. Поэтому, произойдет ли окончательное обуржуазование российского общества и жажда земных благ закроет от русских людей подлинные ценности или они смогут преодолеть этот со-

блaзи и продолжают решение социального вопроса, сохранив верность своим истокам, - будет, в конечном счете, зависеть от культурных потенций и духовности русского народа.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на III РОССИЙСКОМ ФИЛОСОФСКОМ КОНГРЕССЕ «Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия» (Ростов-на-Дону, 2002 г.); Международной конференции, посвященной 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. М.В. Ломоносова «ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА – ОБЩЕСТВО. Актуальные проблемы философских, политологических и религиоведческих исследований» (Москва, 2002 г.); всероссийской конференции «Русская философия права: основные проблемы и традиции» (Ростов-на-Дону, 2000 г.); всероссийской конференции «Восток – Запад – Россия» (Ростов-на-Дону, 1993 г.), а также на межвузовской научно-теоретической конференции «Проблемы самобытности российской государственности: правовые и национально-идеологические аспекты» (Ростов-на-Дону, 1996 г.); научно-теоретической конференции «Право и культура: проблемы взаимосвязи» (Ростов-на-Дону, 1996 г.). Положения и выводы диссертационного исследования докладывались автором на методологическом семинаре кафедры социальной философии и философии права факультета философии и культурологии РГУ (Ростов-на-Дону, 2002 г.). Диссертационная работа обсуждалась на совместном заседании трех кафедр: социальной философии и философии права, теории культуры, этики и эстетики, истории философии и философской антропологии факультета философии и культурологии РГУ (Ростов-на-Дону, 2003 г.).

Основные положения и выводы диссертационного исследования нашли отражение в читаемом автором на факультете философии и культурологии РГУ лекционном спецкурсе «Судьба России в русской философии конца XIX – XX в.», а также в соответствующих разделах курса лекций по «Социальной философии».

Основное содержание диссертации отражено в 22 публикациях, включая монографию, общим объемом 22,1 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав (14 параграфов), заключения, списка литературы из 268 источников. Общий объем работы составляет 336 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении раскрывается актуальность работы, обосновывается выбор предмета и темы, освещается степень их разработанности, формулируются цели и задачи, рассматривается методология исследования, фиксируется новизна, излагаются тезисы, выносимые автором диссертации на защиту, отмечаются практическая значимость и апробация работы.

Первая глава «Историософия духа: концепция и метод исследования» содержит анализ историософских взглядов Н. Бердяева. В первом параграфе – «Идейные истоки историософских взглядов Н. Бердяева» - анализируется влияние К.Маркса и Вл.Соловьева на формирование воззрений русского философа. В диссертации отмечается, что «марксистский опыт» Бердяева конца XIX- начала XX века оказал существенное влияние на период становления и его последующей деятельности. Уже в период легального марксизма Бердяев выделял русский аспект в видении социальных проблем России, противопоставляя тем самым свою позицию ортодоксальному марксизму

И хотя в начале XX века Бердяев преодолевает марксизм, внутренняя полемика с Марксом продолжается на протяжении всего его творчества. Ограниченный характер первоначальной критики Бердяевым марксизма с позиций «идеалистического направления» приводит его при определенном влиянии Вл. Соловьева к идеи Богочеловечества и «мистического союза любви и свободы» с последующим акцентированием внимания на историософской теме. Дальнейшая эволюция воззрений Бердяева осуществлялась в направлении его экзистенциального персонализма.

Во втором параграфе - «Философия как особая форма познания духовного мира человека и его истории» - исследуется роль философии в постижении смысла исторического бытия. В диссертации подчеркивается, что в процессе формирования воззрений Н. Бердяева на историю осуществлялась определенная эволюция его философских взглядов. Однако уже в работе «Смысл истории» исторический процесс воспринимается им через призму судьбы индивидуальной и неповторимой человеческой личности. Сама история начинает осознаваться Бердяевым как

событие в духовной судьбе человека. Вследствие этого, постигая историю своего народа, человек погружается в глубины собственной духовности.

Анализируя природу истории и исторического, Н. Бердяев подчеркивал, что история, рассматриваемая через призму историзма, то есть взятая в ее эмпирической данности, есть результат объективации нашего субъективного духа. Как объективна реальность история, по мнению Бердяева, существует, но степень ее реальности определяется нашим собственным духовным состоянием.

Объективация реальности, то есть ее материализация и детерминация, отчуждение и разделение мира на субъект и объект является результатом первородного греха человека. Христос, подчеркивал Н. Бердяев, уже искупил этот грех. Поэтому сегодня от самого человека зависит, будет ли он творить и жить духовно свободным или подчинится миру необходимости, станет его рабом.

Познание необходимости выступает специфической задачей и целью науки, но постижение свободы оказывается за ее рамками. В отличие от науки философия стремится к познанию духа, постижению смысла бытия как результата свободного творчества. Она сама есть творчество идей. Поэтому только с помощью философии становится возможным раскрытие метафизической природы исторического бытия.

Истинность философской интуиции, по мнению Бердяева, определяется не системой логических доказательств и обоснований. Она предполагает согласие с ней других творческих личностей, которые принимают ее в процессе общения. Критерием истинности здесь выступает «вселенский соборный дух». Сама соборность понимается Бердяевым как духовное единение личностей, то есть это общность, порожденная духовной близостью. Соборность выступает качественным состоянием сознания, она характеризует максимальную степень его одухотворенности.

В третьем параграфе — «Философия истории» — рассматривается концепция историософии Н. Бердяева. В диссертации отмечается, что, используя философскую интуицию и память, ученый переживает историю своего народа как свою судьбу, постигая смысл существования настоящего в развитии его прошлого. Соединяя прошлое с настоящим, человек преодолевает время. История реализует в себе диалектику глубочайшего взаимодействия между временем и вечностью

Бердяев выделяет три типа времени: 1) космическое; 2) историческое и 3) экзистенциальное. Первое выступает завершённой формой объективации человека и его натурализации. Человек здесь является частицей противостоящего ему мироздания. Второе – это время, существующее в ходе его объективации. Причем, куда этот процесс будет направлен: в сторону завершения объективации, то есть времени космическому, или, наоборот, в направлении снятия объективации (в сторону времени экзистенциального) – зависит от самого человека. Наконец, третье время – экзистенциальное, оно существует в человеке как в личности на границе сразу двух миров, материального и духовного, соприкасаясь с вечностью.

Наличие истории подтверждает факт несовершенства нашего земного мира. История выступает его движением к более совершенным, развитым и, следовательно, законченным формам. Достижение идеального мира и составляет смысл истории, но это знаменует собой ее конец. Поэтому эсхатология выступает необходимой составляющей исторического познания.

Достижение потусторонней реальности выступает результатом преобразования личностного бытия человека, процесса проникновения и углубления в его экзистенциальную природу. В творчестве человек осуществляет акт своего спасения. Только творчество позволяет человеку найти путь к сокровенной свободе, в каждом мгновении которой он преодолевает материальный мир, «кончает» его, и переходит в мир потусторонний.

Четвертый параграф – «Философия современности и гуманизм» - посвящен исследованию взглядов Бердяева в отношении места и роли человека в современном мире. То, что сегодня происходит в обществе, затрагивает, по мнению Бердяева, глубинные пласты развития истории. Совершается суд над историей в целом, а не над одной из ее эпох. Поэтому мы живем в апокалиптическое время.

Трагедия истории состоит в несоизмеримости судьбы конкретного человека и самой истории, в пределах которой она не может быть разрешена. Объективации в истории подвергаются не только условия жизни человека, но и формы его существования. Капитализм, подчеркивал Бердяев, превращает человека в товар, личность при этом исчезает, так как отношения между людьми приобретают анонимный характер, анонимной становится и власть.

Современная западная демократия, по мнению Бердяева, завершает уничтожение европейского гуманизма, основу которого составляло возрождение античности. В демократических странах всегда преобладает усредненный тип человека, который подавляет всякую, не совпадающую с ним индивидуальность, и является крайней формой объективации личности.

Как историческое существо человек не может реализовать себя вне истории. Он вынужден не только существовать в истории, но и осуществлять в ней творческий процесс. Однако это не значит, что человек должен боготворить историю. Он должен относиться к ней, как к своей судьбе, которую необходимо понять и адекватно осознать.

Цель истории состоит в достижении человеком полной духовной свободы и преодолении, таким образом, социальной и космической объективации. История помогает человеку увидеть то, ради чего ему не стоит тратить свою жизнь, и она же подводит его к тому, ради чего стоит жить. Завершающий конец это не фатум истории, а выражение высшего уровня духовности человеческой личности.

Вторая глава «Философия культуры» посвящена исследованию взглядов Бердяева на культуру. В первом параграфе - «Культура и творчество» - рассматривается роль творчества в процессе становления и развития культуры. В диссертации отмечается, что культуру Бердяев понимает в качестве объективации духовного творчества человека, которое в символической форме раскрывает смысл бытия. Поэтому становление новой культуры происходит не в ходе появления новой жизни или нового способа бытия, а в процессе утверждения новых ценностей. Именно в создании ценностей и состоит основное предназначение культуры.

Неудача культуры, отмечал Бердяев, раскрывает перед человеком ту истину, что нельзя использовать достижения культуры в плане получения повседневной выгоды или практической пользы. Их значение и ценность заключены в них самих. Осознание человеком неудачи культуры неизбежно вело к ее кризису. Последний, по мнению Бердяева, состоит в том, что невозможно дальнейшее существование культуры в качестве срединной, дурной бесконечности. Чтобы достигнуть реально-абсолютного бытия, человек должен преодолеть культуру с ее символически-условными результатами. Но сделать это нельзя с помощью докультурного или некультурного творчества.

Преодоление культуры возможно лишь изнутри, в процессе осуществления ее перехода в инобытие, в сверхкультурное, то есть вечное, вневременное состояние. Гений преодолевает культуру в своем творении. Совершенная культура столь же невозможна, как невозможен совершенный земной мир.

Однако это не означает, что нельзя стремиться к совершенству в культуре. Достигая совершенства, человек преодолевает рамки культуры и выходит на границу абсолютного бытия. Неудача культуры означает, что человечеству до сих пор не удалось выйти за ее пределы, что его история осуществлялась внутри культуры, а не вне ее преходящих и ограниченных форм.

Практически вся докапиталистическая культура, отмечал Бердяев, была религиозной, что и позволяло ей соединять народность с аристократизмом. Ни философия, ни искусство, ни наука не могли без религии объединять в себе народный слой с культурным аристократическим слоем. Секуляризация культуры привела к отрыву культурной элиты от народной жизни. Массы начинают вторгаться в культуру и это вполне справедливо, так как они «не могут оставаться во тьме».

Но данный процесс неизбежно влечет за собой и качественное понижение уровня культуры. Высокая же культура уединяется в кругу узкой духовной элиты, становясь фактически непонятной и поэтому внешне ненужной для народа. Собственно культурное возрождение, согласно Бердяеву, уже невозможно, поскольку культура внутренне исчерпала себя.

Снять противоречие между демократическим и аристократическим началами в культуре может только новое духовное (религиозное) возрождение, которое преодолест ограниченность культурного бытия. Человечество должно прийти к осознанию необходимости перехода от объективированного, то есть культурного бытия, к свободному духовному творчеству. Без формирования такой принципиально новой духовности преодолеть кризис в современной культуре уже невозможно.

Во втором параграфе – «Национальные истоки культуры: национализм и культура» - исследуются национальные особенности и специфика культуры. Рассматривая характер и направленность развития культурного процесса, Бердяев отмечал, что его своеобразие детерминировано национальной природой. В основаниях культуры всегда лежат традиции и верования людей. Поэтому культуру

Бердяев определял как духовную память народа, в которой каждая нация хранит свои истоки и реализует духовные потенции.

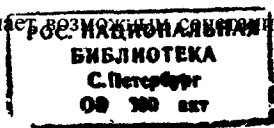
Рассматривая специфическую природу нации, Бердяев подчеркивал, что в нации природная действительность переходит в культурно-историческую реальность, сознание которой максимально концентрируется на факторе единства судьбы. Именно сознание этой общности судьбы, как с прошлыми, так и с настоящим и будущими поколениями выводит нацию за рамки исторического времени.

Бердяев разделяет понятия народа и нации. Народ выступает эмпирическим бытием нации; населением, характеризуемым, в основном, количественными показателями. Нация – это качественное состояние культурно-этнической общности людей, показатель и выразитель ее души. Она своеобразный народный дух. Его адекватное постижение становится возможным лишь в процессе восприятия культуры народа.

Возможность существования народа в качестве культурно-исторической общности и нации, абстрагирующейся в виде отвлеченной от него сущности, создает, по мнению Бердяева, объективные предпосылки для появления современных форм национализма. Однако Бердяев специально подчеркивал, что само по себе существование национальных различий не приводит автоматически к появлению национализма. Он отмечал, что необходимо различать национализм и национальность. Через развитие национальных черт народа осуществляется индивидуализация его бытия и в этом состоит положительное значение и ценность фактора национальности. В национализме же этот фактор абсолютизируется и принимает одну из форм «идолатрии».

Национализм, по мнению Бердяева, возникает в Новое время, вместе со становлением буржуазных отношений, и является выражением отвлеченного и обезличенного характера последних. Во времена средневековья национализма не было. Христианская истина не делила людей на эллинов и иудеев, она объединяла, а не разъединяла народы. Однако уже французская буржуазная революция провозглашает суверенитет народа и утверждает идею верховенства нации.

Специфической чертой современного национализма выступает его массовый, и в этом смысле демократический, характер. Это делает возможным участие в

современном национализме социального и национального элементов. Однако элемент социальный, или даже социалистический, оказывается в данном случае полностью подавленным элементом националистическим.

Следует добиваться четкого понимания того, отмечал Бердяев, что решение проблемы единства в мире состоит в объединении именно различных народов, а не в попытках их унификации и ассимиляции, что фактически делает капитализм. Нельзя объединить народы, уничтожая их национальную специфику. Таким путем можно создать однотипную и усредненную массу людей, но не единое человечество.

Богатство национальных культур позволяет сохранить единство человечества в многообразии его индивидуальных проявлений. Оно предохраняет общество от его трансформации в массу безликих и серых посредственностей. Поэтому с вероятным исчезновением в будущем классовых и вообще социальных различий, национальные особенности останутся. Они получают даже более глубокое развитие. Отсутствие социальных антагонизмов и классовых предубеждений создаст наиболее благоприятную почву для духовного творчества.

Творчество культуры должно приблизиться к совершенству. Оно должно преодолеть рамки культурно-национального бытия и выйти на общечеловеческий, экзистенциальный уровень. Однако, чтобы реализовать все это, человечеству необходимо пройти свой путь до конца. Лишь в процессе осознания ограниченности культурных и национальных форм бытия возможно становление подлинной духовности, через которую только и достижимо единение наций и народов.

В третьем параграфе – «Культура и кризис христианства» - рассматривается роль христианской церкви в преодолении современного кризиса в культуре. В диссертации подчеркивается, что существующие сегодня формы духовности, в том числе религиозные, уже не могут удовлетворить человека, поскольку они оказываются неспособными преодолеть все более углубляющийся кризис культуры. История христианской церкви есть история богочеловеческого процесса. В христианской церкви человек мог общаться с Богом, однако церковь, отмечал Бердяев, это еще не Бог. Иногда мирские соблазны в ней брали верх, и тогда священным объявлялось то, что являлось продуктом падшего мира и несло в себе черты его пороков.

Необходим суд над христианством в истории, который помог бы увидеть человеку подлинные пути одухотворения его земного мира. Суд над христианством означает, что история подчинила себе христианство. Последнее стало мирским, оно исказило подлинную идею Бога, превратив ее в рабское подчинение человека Христу. Вместо Бога христиане стали поклоняться идолу. Поэтому суд над христианством есть одновременно и суд над историей, в которой ложные символы победили подлинную духовность.

Человечеству предстоит духовно переродиться, преодолеть культуру и приблизиться к границе мира земного, границе, за которой мир абсолютного бытия. Эта близость границы может породить и уже порождает у многих ощущение конца, духовной катастрофы, которое будет постепенно преодолеваться в процессе внутреннего просветления обновленным творчеством.

В третьей главе **«Культурно-историческая концепция: тема России»** проводится анализ взглядов Бердяева на культуру и историю России, а также ее предназначение в мире. В первом параграфе - «Русское национальное самосознание: истоки и культурные традиции» - исследуются особенности духовного своеобразия России и русского национального характера. В диссертации подчеркивается, что в процессе эволюции воззрений Бердяева на развитие истории и культуры осуществлялось и формирование его представлений в отношении специфики и призвания России. Последняя, по его мнению, выступает своеобразным местом пересечения двух основных потоков мировой истории – Востока и Запада. Она объединяет в себе оба эти мира, причудливым образом сочетая в русской душе восточное и западное начало.

Для западного человека Россия всегда была загадочным Востоком, то отталкивающим своим варварством, то притягивающим своей таинственностью. Однако и для самих русских людей Россия оставалась «неразгаданной тайной». На всем протяжении российской истории ее мыслители пытались приблизиться к разгадке этой тайны.

Они стремились раскрыть истоки духовного своеобразия России, изучить специфику культурных традиций ее народа. Однако даже первое, поверхностное обращение к русскому характеру, показывало его предельную антиномичность и противоречивость. Обнаруживается определенная тяга к анархизму, стремление к

отказу от всяких форм государственности и вместе с тем деспотизм, гипертрофия государства.

Национализм в том виде, как он существовал в странах Западной Европы, у русского народа до начала XX века практически отсутствовал. Национальное самодовольство и самоуверенность никогда не были характерны для русских людей. Простой русский человек всегда относился к шовинизму и национализму как явлениям привнесенным и иноземным.

Однако и в культурных традициях русского народа имели место глубоко националистические черты, которые все же сильно отличались от проявлений национализма на Западе. В сознании русского народа Россия становится не только самой христианской, но, фактически, единственной подлинно христианской страной.

Духовная свобода очень высоко ценилась в России на протяжении всей ее истории. Своим сокровенным отношением к внутренней свободе, бесконечной свободе во Христе, исканием Божьей правды и странничеством русский народ сильно отличался от народов Западной Европы. Но, несмотря на наличие высокой степени бытовой свободы в России, личность в ней всегда была задавлена средой или коллективом.

Противоречия и противоположности развития можно обнаружить в жизни многих народов, но в России они доходят до высшей степени поляризации. Причины этого явления во многом связаны с двойственной природой характера русского человека. В нем органически уживаются два полюса мировой культуры: Восток и Запад. Поэтому излечиться от крайностей Россия может, лишь соединив в себе оба эти начала, сделав их сторонами своей внутренней, имманентной сущности.

Таким образом, историческое призвание России раскрывается в собирании, объединении себя как единого целого и через это – достижение мирового единства. Но подобную миссию не может выполнить государство, занимающее жалкое экономическое и политическое положение. В связи с этим русское мессианское сознание имманентно содержит в себе идею создания Великой России.

Русские люди всегда стремились не столько к познанию истины и изменению окружающего их мира, сколько к спасению души. Идея спасения себя и всего ми-

ра, считал Бердяев, имманентно присутствовала в сознании русского человека. Участие народных масс и даже радикально настроенной левой интеллигенции в политике в России было, по мнению Бердяева, превращенной формой поиска спасения души. Поэтому в революции, как и вообще в политике, русские люди искали пророка в образе вождя, который сможет найти путь к спасению и укажет его всем.

Второй параграф — «Западничество и славянофильство: своеобразие российской истории» — посвящен анализу взглядов Бердяева в отношении специфики культурно-исторического пути России. История России, по мнению Бердяева, характеризуется прерывностью. Он выделяет Россию киевскую, Россию времен татарского ига, Россию московскую, Россию петровскую, Россию советскую и возможно, писал он, что будет еще новая Россия. Рассматривая московский период в истории России, Бердяев подчеркивал, что идея Москвы как Третьего Рима стала идеологическим обоснованием необходимости существования Московского царства, в качестве носителя и защитника истинной православной веры. Смещение акцента в восприятии идеи Москвы как Третьего Рима в сторону мирских забот искажало ее духовное значение и смысл.

Тенденции к развитию тоталитаризма и максимальному усилению власти становятся определяющими в истории России со времени ее московского периода. В связи с тем, что в народе православие постепенно стало восприниматься как исконно русская религия, происходит процесс национализации церкви. Одновременно резко усиливаются мессианские аспекты веры. Поэтому, когда при патриархе Никоне начались исправления в богослужениях по греческим книгам и канонам, в народе это вызвало бурный протест, и произошел религиозный раскол.

Раскол становится характерной чертой всей последующей русской жизни. Он нанес первый удар по идее Москвы, как Третьего Рима. Второй удар по этой идее, по мнению Бердяева, был нанесен реформой Петра I. Она была абсолютно необходима и неизбежна. Без петровской реформы под вопросом могло оказаться само независимое существование России. Однако эта реформа резко усилила раскол общества, дополнив его культурным противостоянием. Вместе с тем раскол и связанное с ним предреволюционное брожение порождают динамизм в развитии России, чего не было в истории допетровской Руси.

В оценке реформы Петра I в России сложились в XIX в. два основных направления: славянофильское и западническое. Западники полностью поддерживали все реформы Петра. Они не видели для России никакого другого пути, кроме того, которым уже шла Западная Европа. Славянофилы считали, что у России свой собственный путь развития.

Взгляды представителей обоих направлений, по мнению Бердяева, не выдерживали критики. Славянофилы были неправы, так как они не видели положительного значения реформы для России. Ошибка западников, считал Бердяев, состояла в том, что они не заметили своеобразия исторической судьбы русского народа.

В третьем параграфе – «Интеллигенция и этапы революционного брожения в России» - рассматриваются духовные истоки появления интеллигенции и революционного движения в России. Начало XIX века для России было связано с возникновением в ее истории фактически первого революционного движения декабристов. Декабристы, как и вообще кающиеся дворяне, - это явление, по мнению Бердяева, чисто русское. Подобное явление могло возникнуть только в условиях глубокого раскола общества. Осознать свою вину за ужасающее рабство и тиранию перед народом дворянин мог, лишь противопоставляя себя ему.

После подавления восстания декабристов Николай I, увидевший в нем влияние Запада и русских военных походов в Европу, попытался возродить национальный стиль монархии. Но, по образному выражению Г.П. Федотова, это больше напоминало попытку обрусевшего немца стать своим на русской государственной службе.

Однако в повороте самодержавия к официальному народничеству был и некоторый положительный момент. Наряду с Отечественной войной 12 года это казенное народничество все же способствовало появлению у помещного и служивого дворянства интереса к народному быту и языку, традициям крестьянской культуры. В этой атмосфере тяги к народному быту и культуре, по крайней мере, у лучших представителей дворянства, зарождается русская интеллигенция 30-40-х годов XIX века.

Понятие интеллигенции на Западе, по мнению Бердяева, совсем не совпадает с тем, чем она являлась в России. Русская интеллигенция – это «духовно-социальное образование». Ее основными чертами были: беспочвенность, идеа-

лизм, жертвенность, максимализм, безгосударственность, догматизм, эсхатологизм, революционность, народничество и тоталитаризм.

Быть частью интеллигенции в России означало не просто усвоить европейский уровень просвещения и культуры, взирая с высоты своей образованности на темный и неграмотный народ, исповедовавший чуждые традиции допетровской Руси. Принадлежность к русской интеллигенции, в первую очередь, ассоциировалась с осознанием своей вины перед народом за это.

Бердяев выделяет наличие глубоко гражданской, гуманистической позиции у разночинцев 60-х годов, и продолживших их традиции русских революционеров второй половины XIX века. Материализм и атеизм разночинцев 60-х были новой религией, догматизированной и окруженной ореолом святости. Непринятие современной ей цивилизации приводило русскую интеллигенцию к поиску правды в народной жизни, что и породило народничество 70-х годов.

Рассматривая различные направления революционного движения в России второй половины XIX века, Бердяев в качестве самостоятельного течения выделяет анархизм. Он считал, что анархизм являлся в определенной степени отражением специфики русского характера, склонности к вольности и бунтарству.

Разочарование в крестьянстве и очевидная неэффективность террора в борьбе за социальное переустройство общества заставляет интеллигенцию искать новые формы и методы борьбы с существующим режимом. Практическим результатом этого поиска стало появление русского марксизма и социал-демократического движения в России.

Завершая рассмотрение различных этапов предреволюционного брожения в России, можно выделить в качестве общего для них духовного основания, стремление к воплощению в жизнь идеи социально-справедливого общества, которая была выражением русской идеей. Определяя русскую идею, Бердяев писал о том, что она «не есть идея цветущей культуры могущественного Царства», а является эсхатологической идеей Царства Божьего. Русская идея - это идея спасения, а не идея культуры. Она есть идея конца истории, конца этого мира, а не его середины, «конца Христова или антихристового».

В четвертой главе «Русская революция и судьба России» проводится анализ взглядов Бердяева на природу русской революции и место коммунизма в

судьбе России. В первом параграфе – «Большевизм как «третье явление великодержавности России»» - исследуется место большевизма в культуре и истории России. В диссертации подчеркивается, что анализ возникновения и развития русского марксизма позволяет Бердяеву сделать вывод, что первоначально он был крайней формой западничества, нанесшей сокрушительный идейный удар народничеству.

На базе марксизма в России возникли различные идейные и политические течения. Появились так называемые буржуазные или легальные марксисты, для которых классово-революционная сторона учения Маркса отошла на второй план. Одновременно в русской социал-демократической среде происходило размежевание на меньшевиков и большевиков. Большевизм фактически соединил в себе марксизм и традиции русской интеллигентской мысли, отвергавшей капиталистический путь развития России.

Поражение революции 1905 года, согласно Бердяеву, временно ослабило влияние радикальных сил на общество, и наибольшую активность в России начинают проявлять умеренные, либеральные движения. Либералы пользовались, отмечал Бердяев, достаточно большим влиянием в верхах общества, что позволяло им участвовать в принятии властью решений. Но у них не было никакой опоры в широких народных массах, которым они не могли предложить консолидирующей и вдохновляющей идеи. Поэтому Бердяев еще в 1907 году писал о том, что если в России произойдет революция, то власть в ней захватят большевики.

Феномен большевизма явился преодолением беспочвенной традиции русской интеллигенции в процессе подготовки и осуществления революции. Большевики превратили революционную активность в профессиональную деятельность, почвой для которой стало рабочее движение в России. В большевистской партии часть интеллигенции, путем упрощения интеллектуального уровня своего сознания, сливалась с наиболее сознательной и просвещенной частью пролетариата, а затем и крестьянства, образуя организационно-идеологическое единство революционной интеллигенции и народа.

К октябрю 1917 года общество в России, по мнению Бердяева, оказалось настолько расколотым, что возникла угроза существованию единого государства. Раскол, который прогрессировал и углублялся в России с петровских времен, не-

обходимо было преодолеть в кратчайшие сроки. Ленин предложил дорогой в социальном плане, но реальный для того времени путь преодоления раскола, и поэтому большевики победили. Они оказались единственной политической силой в России, способной не только завоевать власть, но и удержать ее.

Революция всегда является следствием неразрешимых уже путем реформ противоречий, всеобщего кризиса общества. Поэтому виновником революции, по мнению Бердяева, являются не столько те, кто в ней участвуют, сколько те, кто до нее доводят, то есть прежняя власть.

Ленину в русифицированном им варианте марксизма удалось, по мнению Бердяева, объединить две диаметрально противостоящие друг другу традиции русской истории. Большевизм соединил в себе традицию русской революционной интеллигенции с ее стремлением к народной правде и социальной справедливости с традицией сильной и деспотичной государственной власти. Все остальные народнические и марксистские партии и движения остались в рамках только первой традиции. Но, объединив в себе две эти традиции, соединив стремление к социальной правде с волей к государственному могуществу, большевизм выступил третьим явлением великодержавности России.

Во втором параграфе — «Государственный социализм и персоналистическая революция» — рассматриваются взгляды Бердяева на специфику социалистического строительства в России. Реализация в ней русифицированного варианта марксизма в условиях враждебного западного, буржуазного окружения привела к национализации русского коммунизма. В сознании представителей народов России коммунизм стал ассоциироваться исключительно с советской страной или СССР, что способствовало появлению принципиально нового по своей природе советского патриотизма. Этот патриотизм, подчеркивал Бердяев, явление положительное, так как в своей основе он, пожалуй, впервые в истории имеет не узкий национализм, а стремление к социальной правде и справедливости.

Стремление к осуществлению социальной правды и справедливости составляло также основу энтузиазма советских людей в их экономической и хозяйственной деятельности. Труд начинает восприниматься не только и не столько как возможность получения заработной платы, а в первую очередь как деятельность по построению нового социалистического общества.

В советской России, отмечал Бердяев, весь энтузиазм и энергия русского народа идут на построение социалистического общества. Но опасность для будущего России в этой ситуации состоит в том, что строят не совсем то, что провозглашают. В процессе усиления государства в советской России оно превращается в основного и, реально, единственного собственника на средства производства. Государственный социализм по своему объективному содержанию оказывается тождественным высшей стадии развития госкапитализма, что приводит к постепенному обуржуазованию бюрократии и перерождению коммунистической элиты.

Рассматривая происходившие в советской России в 20-30-е годы процессы, Бердяев писал о том, что построение в ней государственного социализма привело к деформации принципов, составлявших основное содержание коммунистической идеологии. Бердяев особо подчеркивал, что социализм, игнорирующий в своей практической деятельности законы общечеловеческой духовности, неизбежно обуржуазывается и ведет к моральному разложению и демагогии. Недооценка духа, попытка насилия над ним неизбежно, по его мнению, приводят к бездуховности, цинизму и мещанскому отношению к жизни, что создает благоприятную почву для восприятия буржуазных идей.

Исследуя направленность развития мирового процесса, Бердяев отмечал, что движение от капитализма к социализму, является естественной закономерностью мирового процесса. Все цивилизованные страны развиваются в этом направлении, советская Россия, подчеркивал он, находится еще на этапе подготовки перехода к социализму, никаких собственно социалистических преобразований в ней не осуществлялось, и осуществиться пока не могло. В обществе, поэтому складывается определенное противоречие между господствующей коммунистической идеологией и повседневной действительностью, которая в целом ее не отражает.

В стране, подчеркивал Бердяев, назревает новая духовная и моральная революция, которая призвана освободить человека, создать условия для его целостного развития. Эта персоналистическая революция должна радикально преобразовать общество, преодолев в нем процессы отчуждения и овеществления человека. Вместо коллективов, образующихся с помощью организации и порядка, она создаст условия для формирования сообществ людей, объединенных духовной близостью.

Третий параграф – «Н. Бердяев и евразийцы» - посвящен сравнительному анализу взглядов Бердяева и евразийцев на культуру и историю России. Появление на территории прежней России государства, в основе которого лежали качественно новые принципы политического и социального устройства, заставило, по мнению Бердяева, представителей эмигрировавших из нее интеллектуальных слоев общества, провести глубокий анализ предназначения России в мире и места большевизма в ее судьбе. Среди части духовной элиты эмиграции оформилось идейное направление, получившее название евразийства.

Евразийцы предприняли попытку кардинального пересмотра распространенных в Европе в то время концепций всемирной истории и места в ней России. Сущность евразийского видения всемирно-исторической реальности состояла в отказе от рассмотрения ее в качестве однолинейного и однонаправленного процесса.

При этом Россию евразийцы рассматривали в качестве уникального и особого мира, выступающего рубежом противостояния гегемонизму Запада. В силу своих культурных традиций и занимаемого ею географического положения Россия объективно становилась главным препятствием на пути всеобщей европеизации. По отношению к Европе, как впрочем, и Азии, она выступала самостоятельным культурным субъектом, синтезирующим достижения обоих центров мировых цивилизаций.

Отношение евразийцев к русской революции отличалось как от ее оценок представителями правого, монархического крыла русской эмиграции, так и либерально-демократического.

И те и другие в большинстве своем выступали за немедленное свержение советской власти с помощью, в том числе иностранной интервенции. Против подобного подхода резко выступили евразийцы, считая его предательством национальных интересов русского народа.

Свержение власти большевиков и реставрация буржуазных отношений в условиях экономической разрухи, по мнению евразийцев, неизбежно поставили бы Россию в полную экономическую и политическую зависимость от Запада, превратив ее в полуколонию. Поэтому они считали, что необходимо использовать большевистский режим, а не свергать его. Нужно просочиться в этот режим, стать его

«мозгами», и руками новой власти постепенно «построить новое государство», сохранив при этом идеал социальной справедливости в качестве основы единения народов России..

На протяжении последних столетий в России-Евразии господствовала чуждая ей европейская культура, поэтому евразийцы сходятся с большевиками в том, что ее необходимо разрушить. Частично евразийцы согласны с ними и в том, что в качестве новой культуры Евразии-СССР должна стать культура низов, поскольку она отражает глубинные традиции русского Православия.

Но именно поэтому они категорически не согласны были с тем, что в качестве этой культуры большевики создавали ее социалистический, т.е. атеистический, вариант. Атеистическая культура, по мнению евразийцев, возможна только в качестве лжекультуры. Своего высшего развития культура, считали евразийцы, может достичь лишь в русской Православной Церкви, которая выступает не только средоточием, но и целью развития всех народов Евразии.

Формулируя свое отношение к евразийству, Бердяев подчеркивал, что это было по существу первое и «единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде». Евразийцы не демократы, а народники; поэтому они согласны идти вместе с народом, даже если он заблуждается, чтобы постепенно возрождать в нем подлинную правду жизни.

Евразийцы хотели противопоставить Россию и все человечество капиталистической Европе, но они не понимали, что времена существования национально-замкнутых образований ушли в прошлое. Сегодня все народы живут в едином мировом пространстве, их сближение и объединение неизбежны. Поэтому опасность для России состоит не в самом объединении Запада с Востоком, а в том, чтобы оно не превратилось в процесс поглощения одного другим. Любое замыкание и отгораживание, отмечал Бердяев, будет объективно способствовать именно этому

Евразийцы государственники, они считали, что совершенное государство должно охватывать все сферы жизни. Они не замечают, что идея сильной власти и диктатуры является ни чуть не менее европейской, чем идея либерализма. Эти идеи не имеют ничего общего с идеологией Москвы как Третьего Рима, в которой сила была в первую очередь следствием духовных начал.

В четвертом параграфе – «Новая Россия (Н. Бердяев, Г. Федотов, И. Ильин)» – рассмотрены взгляды Н. Бердяева на возможные пути трансформации общественной системы России в сопоставлении с воззрениями Г. Федотова и И. Ильина.

Исследуя процессы, происходящие в советской России и изучая возможные тенденции их развития в будущем, Бердяев отмечал, что в стране еще не построено социалистическое общество, но в ней уже нет и буржуазных, то есть частно-собственнических отношений. Поэтому, считал Бердяев, попытка их возрождения явилась бы для России откатом назад. Она означала бы внутреннюю измену ее традициям.

Если выбирать между коммунизмом и капитализмом в России, то для Бердяева капитализм это худшее зло. Однако коммунизм, считал Бердяев, содержит в себе и определенную долю лжи. Она состоит в основном в его стремлении навязать всем, в том числе насильственным путем, свое мировоззрение. Коммунизм в России превращается в своего рода религию, в мировоззрение всего общества.

Но коммунисты в советской России, по мнению Бердяева, забывают, что в нашей земной жизни все относительно. Относительным является и любое социальное учение, оно не может быть абсолютным и, следовательно, обязательным для всех. Идеалы и ценности, составляющие основное содержание смысла жизни для людей, всегда являются результатом их собственного духовного опыта и не могут произвольно изменяться или навязываться сверху.

Оставаясь религиозным философом, Н.Бердяев, естественно, не мог принять ни советской системы, ни лежащей в ее основе социалистической идеологии. Однако он был убежден, что любые попытки возрождения буржуазных отношений и уничтожения, таким образом, коммунизма в России, обречены в конечном итоге на неудачу. Подлинное возрождение духа народа, подчеркивал Бердяев, будет возможно только при условии обеспечения насущных нужд людей, если же «презирать эти нужды с точки зрения духовной возвышенности», то, ни о каком возрождении не может быть и речи. Это, считал он, является основным при любом возрождении России.

Изучая взгляды Н.А. Бердяева на судьбу России необходимо подчеркнуть, что его позиция по данному вопросу существенно отличалась от воззрений большинства мыслителей русского послеоктябрьского зарубежья. Можно отметить, что, к

примеру, Г.П. Федотов и И.А. Ильин, формулировали собственные оригинальные концепции возрождения российского общества.

Вместе с тем было и нечто общее в воззрениях на Россию у Бердяева и отмеченных выше философов. Их объединяла уверенность в будущем возрождении российского общества. Все они полагали, что основу этого возрождения будет составлять формирование подлинной христианской духовности. Они также считали, что становление отмеченной духовности возможно лишь в процессе воспитания свободной творческой личности.

Основное принципиальное отличие во взглядах на Новую Россию у Н. Бердяева, Г. Федотова и И. Ильина состояло в том, что для Федотова и Ильина возрождение России являлось возможным лишь при условии ее отказа от коммунизма, как в чисто марксистском, так и русском вариантах. Бердяев же, наоборот, в коммунизме видел «судьбу России» и считал, что его правда, освобожденная от лжи, должна органически войти в духовное возрождение российского общества. Поэтому он в принципе согласен был «принять коммунизм социально, как экономическую и политическую организацию», но при условии отказа от тоталитаризма, и обращения общества к подлинной духовности.

Этим определялось и различие в понимании возможных путей перехода к Новой России. И Федотов и Ильин допускали в качестве временной меры для преодоления коммунизма в России, установление в ней буржуазных, основанных на частной собственности, отношений. Бердяев считал, что любая реставрация капитализма в России явилась бы ее откатом назад. Она неизбежно привела бы к социальному неравенству, росту национализма и нищеты и поставила бы под угрозу само существование русской идеи.

Преодолеть коммунизм в России, по мнению Бердяева, возможно только при условии становления в ней новой одухотворенной личности, что привело бы к качественной трансформации всей системы в советской России.

В заключении диссертации подводятся итоги, определяются направления дальнейших исследований.

Практическая значимость работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования могут быть использованы при разработке и чтении

учебных курсов по теории и истории культуры, истории русской философии, специальных курсов посвященных теме России и социальной философии.

Основные выводы диссертации могут оказать помощь при формировании политики по преодолению современного кризисного положения, сложившегося в российском обществе. Они могут быть использованы в процессе выработки основных аспектов национальной и культурной политики в России.

Положения и результаты диссертационного исследования могут использоваться при разработке концепции геополитических приоритетов России и ее интересов в мире.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

I. Монографии

1. Буйло Б.И. Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.-2003. – 216 с. (13 п.л.)

II. Учебная литература

2. Буйло Б.И. Общество. Многообразие культур и цивилизаций в их взаимодействии. Лекция и методическая разработка семинарского занятия - Ростов-на-Дону: УПЛ РГУ. – 1996. – 21 с. (0,9 п.л.)

III. Статьи, тезисы докладов и выступлений

3. Буйло Б.И. История России в социальной философии Н.А. Бердяева // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.-1999.-№ 3. – С. 70-73. (0,5 п.л.)

4. Буйло Б.И. Современное мальтузианство: аргументация и выводы // Научная мысль Кавказа.-1996.-№ 1. – С. 40-47. (1 п.л.)

5. Буйло Б.И. Н. Бердяев: национализм и культура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки (приложение).-2003.-№ 5. – С. 6-14. (0,6 п.л.)

6. Буйло Б.И. История России в концепции евразийцев // Научная мысль Кавказа (приложение).-2003.-№ 5. – С. 18-25. (0,4 п.л.)

7. Буйло Б.И. Н. Бердяев: культура и творчество // Научная мысль Кавказа (приложение).-2003.-№ 10. – С. 28-33. (0,3 п.л.)

8 Буйло Б.И. Н. Данилевский и евразийство // Философское и культурологическое русское исследование: феномен восточнохристианской цивилизации. Выпуск 2. EN APXH: Серия «Восток – Запад – Россия». – Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, «Биос» РГУ.-2003. – С. 30-32. (0,1 п.л.)

9 Буйло Б.И. Н. Бердяев: русская революция и судьба России // Перспективы философской мысли на Юге России. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.-2002. – С. 97-119. (1,1 п.л.)

10. Буйло Б.И. Н. Бердяев: историософия духа // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16-20 сентября 2002г.) В 3 т. Т.2. – Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ.-2002. – С. 67-68. (0,1 п.л.)

11. Буйло Б.И. Судьба России в культурно-исторической концепции Н. Бердяева // Философский факультет РГУ: история и современность: Сборник научных трудов филос. фак. Ростовского гос. университета. Раздел 3. Концепции докторских диссертаций. – Ростов-на-Дону: Изд.-во СКНЦ ВШ.-2002. – С. 142-146. (0,3 п.л.)

12. Буйло Б.И. Н. Бердяев: философия истории и судьба России // Человек – Культура – Общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиозно-философских исследований. Материалы Международной конференции посвященной 60-летию воссоздания философского факультета в структуре МГУ им. Ломоносова (Том 1). – М.: Изд-во «Современные тетради».-2002. – С. 99-100. (0,1 п.л.)

13. Буйло Б.И. Бердяев Н.А.: метафизика истории // Философия в пространстве культуры: Россия и Запад. Выпуск № 2. Серия «Восток – Запад – Россия». – Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, «Биос» РГУ.-2001. – С. 43-50. (0,5 п.л.)

14. Буйло Б.И. Н. Бердяев и евразийцы о путях развития России // Русская философия права: основные проблемы и традиции. Сборник материалов всероссийской конференции. – Ростов-на-Дону: РЮИ МВД РФ.-2000. – С. 139-141. (0,2 п.л.)

15. Буйло Б.И. Прерывность и изменчивость российской истории в воззрениях Н. Бердяева. Статья. – Ростов-на-Дону. 1999. – Деп. в ИНИОН РАН № 54540 от 22.04.1999. – 9 с. (0,4 п.л.)

16. Буйло Б.И. Отношение Н. Бердяева к Октябрьской революции 1917 года и последующему развитию Советской России. Статья. – Ростов-на-Дону. 1999. – Деп. в ИНИОН РАН № 54539 от 22.04.1999. – 8 с. (0,3 п.л.)

17. Буйло Б.И. Русская идея и новые формы патриотизма в послеоктябрьский период развития России в воззрениях Н. Бердяева // Проблемы самобытности российской государственности: правовые и национально идеологические аспекты. Тезисы докладов и сообщений участников межвузовской научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ.-1996. – С. 20-22. (0,2 п.л.)

18. Буйло Б.И. Содержание и специфика исторического процесса в воззрениях Н.А. Бердяева. Статья. – Ростов-на-Дону. 1996. – Деп. в ИНИОН РАН № 51485 от 06.05.1996. – 13 с. (0,6 п.л.)

19. Буйло Б.И. Проблема становления и развития российской государственности во взглядах Н.Я. Данилевского // Право и культура: проблемы взаимосвязи. Тезисы докладов и сообщений участников научно-теоретической конференции. – Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ.-1996. – С. 82-83. (0,2 п.л.)

20. Буйло Б.И. Своеобразие исторического пути развития России в концепции Н.А. Бердяева. Статья. – Ростов-на-Дону. 1996. – Деп. в ИНИОН РАН № 51486 от 06.05.1996. – 17 с. (0,8 п.л.)

21. Буйло Б.И. Судьба России в философии Н. Бердяева // Бердяев как философ и историк. Том 2. Социально-политические идеи Н.А. Бердяева и современность. Материалы региональной научной конференции. - Ростов-на-Дону: РГЭА.-1994. – С. 9-12. (0,3 п.л.)

22. Буйло Б.И. Отношение к социализму в русской философии истории конца XIX начала XX века [Н.Я. Данилевский, В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев] // Восток. Запад. Россия. Тезисы всероссийской конференции. - Ростов-на-Дону.-1993. – С. 90-94. (0,3 п.л.)

Издательство ООО «ЦВВР» Лицензия ЛР № 65-36 от 05.08.99 г
Сдано в набор 5 03.04 г Подписано в печать 5 03 04 г Формат 60*84 1/ 16
Заказ № 464. Бумага офсетная Гарнитура «Таймс».
Оперативная печать. Тираж 100 экз Печ. лист 2,5 Усл печ.л. 2,32.
Типография: Издательско-полиграфический комплекс « Бюс» РГУ
344091, г. Ростов-на-Дону, ул Зорге, 28/2, корп 5 «В», тел 929-516, 659-532
Лицензия на полиграфическую деятельность № 65-125 от 09 02 98 г

€ 4779

РНБ Русский фонд

2004-4

33814